
III

К. С. Верхотурова

Семантическое поле горения в русском языке

Цель данной статьи – структурировать и описать лексику, связанную с идеей горения. Критерием отбора материала служит наличие семы огня, горения в денотативном и сигнификативном значении слова (лексика, в которой сема огня присутствует только на уровне коннотации, не рассматривается).

Чтобы определить границы семантического поля, его внутреннюю логику и соотнесенность с другими полями необходимо «идти в двух противоположных направлениях: со стороны содержания и со стороны языковой формы»¹. С опорой на специфику плана содержания устанавливается внутренняя организация семантического поля, выявляется его центр и периферия. В центре поля находятся наиболее репрезентативные элементы («огонь», «горение», «сжигание»), которым противопоставлены другие сектора. Сектора выделяются на основании структурирования массива лексем, обозначающих процесс горения, каждая оппозиция формирует определенный элемент поля. Различные варианты реализации той или иной идеи организуются в более крупные блоки, чтобы за частными случаями не потерялась общая логика. Так, например, мы объединили лексемы со значениями 'дым, чад', 'мгла от пожара', 'отсвет от пожара, пламени' и др. в группу «Симптомы горения», а лексику со значением 'готовить на огне', 'опалать огнем', 'выжигать огнем', 'клеить огнем', 'освещать огнем' и др. – в группу «Применение, использование огня». Исходя из особенностей плана выра-

¹ Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Языковые преобразования. М., 1998. С. 662–669.

жения выявляется языковое наполнение каждого сектора поля, его смысловая нагруженность. Элементы, формирующие тот или иной сегмент поля, подвергаются определенным типовым модификациям, на основании которых эти элементы противопоставляются уже внутри секторов. Эти модификации могут быть разделены на две основные группы – условно назовем их *диктумные* (объективные) и *модусные* (субъективные). К первым относятся фазовые и количественные модификации, ко вторым – оценочные, образные, экспрессивные и т. п.

1. Ядро поля. В центре поля находится лексика со значениями ‘огонь’, ‘гореть’, ‘жечь’. Внутри ядра противопоставлены, во-первых, идеи огня (как субстанции) и горения, сжигания (как процесса), во-вторых, идеи горения и сжигания – по принципу наличия/отсутствия инициатора (отметим, что данные оппозиции выделяются на логических основаниях, что подкрепляется также разнящимися способами номинативного воплощения и принципами номинации). Значимым основанием для противопоставления идей сжигания и горения является также их разграничение по принципу «действие – состояние». Именно этим, на наш взгляд, объясняется специфическая субъектно-объектная организация рассматриваемого процесса: элементы, которые замещают позицию объекта при глаголе *жечь*, трансформируются в субъект при глаголе *гореть*, хотя с точки зрения внеязыковой логики продолжают оставаться объектом действия (ср.: *гореть* ÷ поддаваться действию огня, уничтожаться огнем [СРЯ, 1, 333]). Поскольку огонь, горение и сжигание – это одно синкретичное явление, увиденное с разных точек зрения, они объединены в центре поля.

1.1. Огонь. Данный сегмент поля представлен 74 лексемами с общим значением ‘огонь, пламя’. Семантика этого сектора предметна (а не процессуальна), поэтому фазовых модификаций здесь быть не может. Диктумные модификации представлены количественным типом. На этом основании из всего корпуса лексем со значением ‘огонь, пламя’ выделяются лексемы со значением ‘пожар’. (Включая их в этот сегмент поля, мы опирались на следующее толкование: *пожар* – сильное пламя, охватывающее и уничтожающее все, что может гореть, создающее опасность для жизни людей, а также самое горение, уничтожение чего-либо огнем [СРЯ, 3, 234]).

Лексика, номинирующая огонь, пламя, достаточно явно делится на две группы. Первая из них представляет собой результат закономерного семантического развития. По большей части это дериваты корней **ogn-*, **gor-*, **žeg-* и **pal-*: *пламя* (*пламе, полома, пальмо* и т. п.), *огонь* (*огошек, огонушек* и т. п.), – а также образования от глагола *пылать*: *пыл* (*пыло, пыль* и т. п.). К этой же

группе может быть отнесена лексема *зной* ‘пламя’ Калуж. [СРНГ, 11, 319]², образованная от *знеть, знеять* ‘тлеть, раскаляться’ [Фасмер, 2, 101].

Лексика второй группы предполагает определенное переосмысление исходного значения.

Среди лексем этой группы обнаруживается единственный дериват корня **рек-*, номинирующий собственно огонь или пожар: литер. *пекло* ‘1. Сильный огонь, сильный жар. 2. Ад, адский огонь’ [СРЯ, 3, 38]. Буквально *пекло* – огонь, на котором жарят, пекут, и, очевидно, значение ‘сильный огонь’ (такой, как в аду) возникло в результате расширения семантики.

Номинации *свѣтло* ‘пламя, огонь’ Курск., Брян., Дон., Сиб. [36, 264], *теплó* ‘огонь’ зап., *теплíна* ‘огонь в поле, на воле’ (без указ. места) [Даль, 4, 399] соотносятся с различными симптомами огня (светом и теплом соответственно) и, вероятно, мотивированы различными типами использования огня (для освещения и для обогрева).

Для лексемы *смáга* ‘жар, пыл, огонь, поlying’ (без указ. места) [Даль, 4, 230] Фасмер восстанавливает и.-е. этимон **smeugh-/smeug-* со значением ‘жечь, тлеть, дымить’ [Фасмер, 3, 683]. Несмотря на то, что слово этимологически связано с идеей горения, неясная внутренняя форма, яркая фоносемантика плюс возможная аттракция к глаголу *смáгать* ‘бить, стегать’ юж. [Даль, 4, 230] создают благоприятную почву для развития экспрессивной коннотации.

Лексемы *богáтье* ‘огонь’ Дон. [3, 46], *багáтье, багáтья* ‘огонь’ Дон., «более употребительное об огне, еще не вырубленном или тлеющем под пеплом» Дон., Ворон., Новоросс. [2, 33], этимологически связанные с идеей горения (родственны греч. *φάωω* ‘жарю, поджариваю’, др.-в.-н. *bahhan* ‘печь’ [Фасмер, 1, 101]), на русской почве, по всей видимости, подвергаются аттракции к слову *бог*, работая тем самым на идею «божьего» огня (ср. *богáтка* ‘лампада или свеча, зажженная перед иконами’ Волог. [3, 45]). Ср. также: *бóжий огóнь* (значение?) «Божий огонь не вообще грешно гасить, а только гасить водой; его гасят молоком или квасом – чем-то хлебным» Вят. [22, 340], – хотя данный факт вполне может существовать и вне зависимости от рассматриваемого слова.

В слове *красóта* перен. ‘огонь’ Калуж. [15, 199], вероятно, реализуется этимологическое значение корня **kras-* (цветовое), косвенным подтверждением чему служит продуктивность модели ‘огонь’ → ‘цвета огня’ (что свидетельствует о значимости цветовой характеристики).

² Далее при ссылке на СРНГ в квадратных скобках указывается только номер тома и страницы.

Ярким примером образной лексики, номинирующей огонь, служит следующий ряд слов: волог., яросл. *зай*, волог., яросл., костром., влад., твер. *зайка*, волог. *зайко*, твер. *зайныка* и *заёныка*, волог. *зайныко* и *заёныко* с общим значением 'об огне (в языке детей)' [10, 105–106]. Наиболее прозрачной в плане мотивации является лексема *зайчик*, имеющая значение 'синий огонек на горячих, не вполне перегоревших угляях' Курск. [10, 110]. Очевидно, в основу номинации положена идея яркого, прыгающего пятна (ср. *солнечный зайчик*). Отметим, что образ зайца в связи с огнем активен и в паремии. Учитывая, что мотив огня весьма актуален для представлений о черте³, а заяц является субститутутом черта⁴, можно предположить для данных языковых фактов более сложный мотивационный комплекс, в котором огонь, заяц и черт оказываются сопряженными (хотя бы на уровне мотивационного «шлейфа»). Ср. загадку: «Чертогон, чертогон, он и бегат, как огонь» (Заяц) [Садовников, № 1546]. Однако эта версия кажется несколько натянутой, если учитывать, что указанные номинации функционируют в языке детей.

Образ языков пламени в диалектах отражен в лексеме *лизун* 'о снопе огня, пламени' Смол. [17, 44]. Правомерно в этом случае говорить о некоем одушевлении огня (ср. устойчивое сочетание *огонь лижет, облизывает*).

В языке «обычному», природному огню противопоставлен огонь, добытый трением: *деревянный огонь* 'огонь, добытый трением одного куска дерева о другой (обычно с последующим использованием при совершении суеверных обрядов)' Камч., Енис., Иркут., Кемер., Том., Тобол., Перм., Олон., Арх. [8, 16]; *трудоуогонь* 'добытый трением' Костром. [22, 340]; *живой огонь* 'огонь, добываемый из дерева посредством трения (в суеверных представлениях – помогает от эпидемий); огонь, разводимый во время эпидемий или эпизоотий' Астрах., Олон., Костром., Иркут. [9, 154]. Это редкий случай лексикализации этимологии огня. Показательно, что именно такой огонь наделяется магическими свойствами, используется в обрядах для защиты от болезней, падежа скота и т. д.

Среди дериватов корней с исходным значением 'гореть, жечь' отметим достаточно редкие номинации молнии: с *Перуна сожглось* 'о сильной вспышке молнии' Зап. [37, 259], *огненный гром* 'гром с молнией' Арх. и *огненное запаление* 'пожар, возникший от молнии' Яросл. [22, 326], а также *обжэгчи молнией* 'убить ударом молнии' Арх. [22, 44], *опаливать* 'поразить, ударить молнией' Арх. [23, 231], *пекать* безл. 'сверкать (о молнии)' Волог. [23, 247].

³ См.: Березович Е. Л., Родионова И. В. Тема огня в комплексе народных представлений о черте // Материалы по русской диалектологии. II (VIII). М., 2004. С. 346–354.

⁴ См.: Гуря А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 187.

Опираясь на приведенные языковые факты, вполне можно реконструировать значение 'молния' для лексемы *огонь*, что, безусловно, является свидетельством противопоставления огня земного и огня небесного.

В противопоставление огню небесному и огню стихийному в языковом коде маркируется так называемый хтонический огонь. Этот образ эксплицирован номинациями *мышинный огонь* 'гнилушка (которая светится в темноте)' Нижегород. [22, 340], 'светящаяся гнилушка' Ряз. [19, 70], *мышевый огонь* 'бледный свет в темноте от сгнившего в сыром лесу дерева', 'гнилое дерево, испускающее в темноте бледный свет' Пск., Твер. [19, 68]. *Мышинный* в данном случае обозначает, вероятно, 'не человеческий (и не небесный)', 'принадлежащий чужому миру'. Думается, что в данном случае, с одной стороны, важен образ огня холодного, огня, который светит, но не греет, с другой стороны – образ огня неясного происхождения.

Сопоставимый образ запечатлен в номинациях *живые огни* 'болотные блуждающие огни' Саратов. [9, 154] и *огненные столбы* 'северное сияние' Казан. [22, 326]. И в том, и в другом случае речь идет об огне неясной этиологии, об огне холодном. Логика возникновения номинации *огненные столбы* понятна. Сложнее объяснить, почему болотные огни названы *живыми*. Возможно, в основу номинации положен тот факт, что болотные огни очень динамичны, они постоянно двигаются, мелькают.

Практически весь корпус лексики с семантикой *пожара* составляют производные корней с исходным значением 'гореть'. Материал демонстрирует, что в обозначениях пожара наиболее активен корень **pal-*. Незадействованность корня **žeg-*, вероятно, может быть объяснена тем, что в данном сегменте поля произошла специализация семантики: дериваты корней **gor-* и **pal-* обозначают пожар стихийный, не контролируемый человеком, в то время как дериваты корня **žeg-* обозначают контролируемое, осознанное выжигание.

Парадоксальным кажется наличие деминутива *огонёчек* ласк. 'пожар' Арх. [22, 339], обладающего положительной коннотацией – сама реалья явно не располагает к такого рода оценке. Сопоставимой по эмоциональной окраске можно считать лексему *кочеток* 'о пожаре' Пенз., Вят. [15, 130], также представляющую собой деминутив. Сам образ, воплощенный в номинации, нейтрализует сему опасности, уничтожения, формирует иносказательное, сказочное восприятие явления. Не исключено, что эти номинации возникли как эвфемизмы. Ср. со вторым словом выражение *пустить петуха* и выше *красота* перен. 'огонь'.

Лексемы *грешина* Пенз. 'пожар' и *грешная статья* Влад. 'несчастный случай (пожар и т. п.)', а также *грешиться* 'гореть (о пожаре)' Волог. [7, 138],

вероятно, образованы от *грех* (на это указывает словообразовательная структура; ср. также *грех* ‘беда, несчастье’ [Даль, 1, 402]), этимологически восходящее к *гореть* [Фасмер, 1, 456–457]. Семантика развивалась, очевидно, по следующей схеме: *гореть* → ... → *грех* → беда, несчастье → пожар. Таким образом, лексемы *грешина*, *грешная статья* находятся на четвертой ступени производности. Однако очевидно, что семантическое расстояние между значениями ‘гореть’ и ‘пожар’ неизмеримо меньше, чем между значениями ‘пожар’ и ‘грех’. Это позволяет думать о производности непосредственно от *гореть* (но словообразовательный аспект является крайне уязвимым), либо о вторичном переосмыслении лексемы *грех*, в результате которого была актуализирована сема ‘горение, жжение’.

Специализированное значение имеет слово *верховка* ‘лесной пожар, идущий по вершинам сосен’ Тобол. [4, 164] (номинация по локусу). Примером «постфактумной» номинации пожара является лексема *пепелица* ‘пожар’ Пск., Твер. [25, 349], в основу которой положен образ последствий пожара, а не пожар сам по себе.

1.2. Горение. Данный сектор ядра формируют 172 лексемы⁵. Из них только четыре имеют значение ‘гореть’ (без какой-либо конкретизации смысла), при этом семантика горения, жжения является исходной: *гореть* ‘поддаваться действию огня, уничтожаться огнем’ [СРЯ, 1, 333]; диал. *жэ́рится* ‘гореть’ Иван.-Вознес. [9, 78]; *жэ́чься* ‘гореть, зажигаться’ Ленингр. [9, 148]; *палéвить* ‘гореть’ Волог. [25, 164].

В языке отражены два типа появления пламени: мгновенное вспыхивание и постепенное возникновение огня из тлеющих углей.

Исходное значение ‘тлеть’ сохраняется в словах *засни́ть* Костром., *засни́ться* Пск., Твер. ‘начать гореть, загореться (о начале горения, когда еще не появилось пламя)’ [10, 94, 95]. Ср. *знеть*, *знéять* ‘чуть-чуть гореть, тлеть’ Арх., Новг. [11, 315].

Очевидно, исключительно важной для субъекта номинации является идеограмма «ярко гореть, пылать» (нам встретилось 49 лексем с таким значением) и связанная с ней идеограмма «разгораться» (8 лексем). Следует отметить, что большой процент этого корпуса лексики составляют глаголы с неясной внутренней формой и достаточно яркой фоносемантикой, несущей

⁵ Мы взяли для рассмотрения только глаголы, исключив отглагольные существительные со значениями, сводимыми к формуле ‘действие, состояние по глаголу...’, отглагольные прилагательные и наречия, поскольку при деривации такого рода изменения значений происходят на уровне грамматических сем и имеют абсолютно предсказуемые результаты.

щие мощный экспрессивный заряд, например, *запопыгáнить* ‘разгореться, заполыхать’ Олон. [10, 341], безл. *расфúрайдало* ‘разгорелось (об огне)’ Олон. [34, 289], *пáзгать* ‘ярко гореть, пылать (об огне)’ Твер., Волог., Влад., Арх., Киров., Свердл., Вят., Перм. [25, 143], *засмáйдать* ‘сильно разгореться (об огне)’ Олон. [11, 44], *эгать* ‘сильно пылать’ Перм. [8, 315], *вылу́кивать* ‘выбрасываться (о пламени)’ Вят. [5, 306] и др. В ряде случаев экспрессивность выражена на уровне словообразовательной структуры: *распы́хиваться* ‘начать сильно гореть, полыхать (об огне, пламени)’ Вят. [34, 197], *лизану́ть* ‘охватить (об огне)’ Смол. [17, 43] и т. д. Столь высокую степень эмоциональности порождает восприятие огненной стихии как несущей опасность и разрушение. Уже сама реалья определяет модус номинативного освоения. Именно такой пульсацией экспрессии и объясняется номинативная избыточность, не оправданная с точки зрения прагматики.

Ситуация прекращения горения разработана не менее тщательно, чем ситуация его начала и кульминации. Стадия тления представлена 31 лексемой, стадия прекращения горения – 48. С идеей тления связана идея возможности «возрождения» огня, зафиксированная в таких номинациях, как *расшáивать* ‘тлея, разгораться’ Волог., Новг., Перм., *расшáиваться* ‘тлея, постепенно разгораться’ Новг., Яросл., Волог., Мурман., Олон., Перм., Сиб. [34, 318], *отдохнуть* (удар.?) – *огонь отдохнул* ‘огонь снова запылал’ Иркут. [24, 168].

К этой группе лексики примыкают дериваты корней с исходным значением ‘тлеть’: это производные от глаголов *тлеть*, *плеть*, *знеть* и *шяять*. В одних случаях в дериватах сохраняется значение производящей основы, в других развивается значение ‘гореть пламенем’: *знеть* ‘чуть-чуть гореть, тлеть’ Олон., Новг., *знéять* и *знéять* ‘то же’ Арх., Новг., *знийть* ‘тлеть, гореть без пламени; обугливаться’ Твер., Пск., Костром., *знойть* ‘тлеть’ Пск., Твер. [11, 315, 317, 319]; *тлеть* ‘гореть под спудом, без пламени, обугливаться и превращаться в пепел’ (без указ. места), *тлётся* ‘таиться, быть под спудом, гореть скрытно, скрываться внутри чего’ (без указ. места) [Даль, 4, 408], *тлётся(ся)* ‘гореть без пламени, слабо гореть’ [СРЯ, 4, 370]; *плеть* ‘тлеть, гореть без пламени’ Арх., Курск., Сиб., Енис., Иркут. [27, 132]; *шяять* ‘гореть без пламени, тлеть, гореть жаром’; ‘таять, топиться, плавиться, распускаться, растворяться’ Север., Сиб. [Даль, 4, 625]; *знéять* и *знéять* ‘гореть пламенем’ Пск., Твер., *знийть* ‘гореть огнем, пылать’ Пск., Твер. [11, 315, 317]; *заснийть* ‘начать гореть, загореться (о начале горения, когда еще не появилось пламя)’; ‘начать гореть, разгореться (о горячих углях)’; ‘загореться, заискриться’; безл. ‘запылать’ Костром. [10, 94]; *расшáиваться* ‘тлея, постепенно разгораться’ Новг., Яросл., Волог., Мурман., Олон., Перм., Сиб. [34, 318] и др.

Вероятно, в эту же группу может быть включена лексема *засми́леть* ‘загореться’ Брян. [11, 45], родственная рус. *смола*, лит. *smėla* ‘тлеет’ и др. [Фасмер, 3, 690], а также этимологически темное *дулѣть* ‘гореть, тлеть’, ‘сильно гореть’ Орл. [8, 254].

Идея вспыхивания реализуется через дериваты корней с исходным значением ‘дуть, дышать’. Значение развивается по модели ‘дуть’ → ‘выдувать огонь’ → ‘вспыхивать, гореть’. Наиболее активно эта семантика проявляется у корня *пых-*: *вспыхнуть*, *пыхать* ‘вспыхнуть, загореться’ Вят., Урал., Ново-сиб., Том., Алт., Сиб., Арх. [33, 203], ‘ярко гореть, пылать’, ‘излучать (жар), обдавать (жаром)’ [СРЯ, 3, 569], *пышкать* ‘внезапно и ненадолго загореться, вспыхнуть’ Свердл. [33, 206] и др.

К этой же модели могут быть отнесены *закопѣриться* ‘загореться’ Новг. [10, 152], вероятно, восходящее к *пы́рить* ‘дуть, раздувать, топорщить’ [Фасмер, 3, 420], а также *са́пать* ‘вспыхивать, высоко подниматься (об огне)’ Новг. [36, 124], *сопочить* ‘пылать, гореть пламенем’ (без указ. места) [Даль, 4, 273], родственные *сопеть* ‘дуть (о ветре)’ [Фасмер, 3, 718] (хотя не исключено, что в последнем случае «работает» модель ‘издавать звук’ → ‘гореть’).

Думается, что этимологическое значение ‘дуть, дышать’ отражено и в номинациях *копотѣть* и *копотѣть* ‘ярко гореть, полыхать, пылать’ Свердл. [14, 295]: ср. лит. *kvāpas* ‘дуновение, дыхание, запах’ и др. [Фасмер, 2, 319].

Несколько иной вектор развития семантики представлен глаголами *отдохнуть* (удар.?) (*огонь отдохнул*) ‘огонь снова запылал’ Иркут., *отдыхать* (удар.?) (*огонь отдыхает*) ‘огонь раздувается ветром’ Иркут. [24, 168, 172]. Для этих глаголов можно предположить модель ‘дуть’ → ‘поддерживаться за счет воздуха (о горении)’.

Представление о том, что огонь рождается и умирает, нашло отражение в лексеме *отродѣться* ‘воспламениться; загореться’ Олон. [24, 296] (ср. *замира́ть* ‘гаснуть, тухнуть’ Яросл., Волог. [10, 248], *заумо́рница* ‘приспособление для тушения углей’ Урал. [11, 133] и др.). Связь огня с мотивами рождения, жизни и умирания эксплицируется не только на системном уровне: О. О. Борискина и А. А. Кретов на материале текстовой сочетаемости демонстрируют, что «языковое первобытное сознание категоризовало огонь как живущее по биологическим законам, смертное и воскрешаемое»⁶. Возможно, лексема *отродѣться* возникла по модели ‘рождаться’ → ‘возникать’ → ‘загораться’ – тогда здесь реализуется бытийное значение корня *род-* (рождение как воз-

⁶ Борискина О. О., Кретов А. А. Категоризация огня // Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003. С. 24.

никновение). С другой стороны, рассматриваемое слово может быть поставлено в один ряд с такими номинациями как *кочеток*, *заяц* и т. д. и осмыслено как одушевление, «оживление» огня. (В этом же ключе может быть рассмотрена и связь семантики горения с идеей дуновения, дыхания). Ср. также: *доконать* ‘догореть’ Новг., Пск., *доконаться* ‘догореть’ Ярослав. [8, 99] (ср. *конать* ‘душить, сживать со света’, ‘мучить’ [Фасмер, 2, 307]).

По модели ‘охватываться огнем’ → ‘загораться’ образованы лексемы *заиматься* ‘загораться’ Ворон., Смол., Тул. [10, 103], *взяться* ‘загореться, вспыхнуть’ Арх., Свердл., Курск. [4, 276]. Вероятно, сюда же может быть отнесено слово *прививаться* ‘загораться, разгораться, заниматься’ Волог. [31, 138].

В основу следующих моделей положен тот или иной «симптом» горения, перцептивно воспринимаемый субъектом:

- ‘издавать свет’ → ‘гореть’: *рассвечаться* ‘разгораться, разжигаться (о свече, лучине и т. д.)’ Север. [34, 204];

- ‘издавать неровный свет, мигать’ → ‘гореть’: *пелигать* ‘едва гореть, мигать’ Свердл. [25, 331], *пиликатъ* ‘тускло гореть, чуть светить; мерцать’ Волог., Сиб., Перм., Свердл., Иркут., Арх., Tobол., Бурят. АССР [27, 28]; *пегать* и *пинигать* ‘слабо гореть, мигать’ Свердл. [25, 338];

- ‘дымить’ → ‘гореть’: *раскуривать* безл. ‘разгораться (о дровах)’ Твер., Пск. [34, 147];

- ‘издавать звук’ → ‘гореть’: *зажуметь* ‘загореться (о многих строениях при пожаре)’ Смол. [11, 194]; *испырхнуть* (удар.?) ‘вспыхнуть, загореться’ Пск. [12, 249], ср. *пырхать* ‘фыркать’ [Фасмер, 3, 420]; *сверёскать* ‘быстро сгореть с яркой вспышкой и потрескиванием’ Краснояр. [36, 237], ср. у этой же лексемы значение ‘запищать, заверещать (о животном)’ Свердл. [Там же];

- ‘издавать тепло’ → ‘гореть’: *затёплиться* ‘загореться слабым пламенем (о лампаде, свече и т. п.)’ [СРЯ, 1, 582].

Одной из самых продуктивных может считаться модель ‘быстро двигаться, дергаться’ → ‘гореть’: *махать* ‘выбиваться, вырываться наружу, полыхать (об огне)’ Арх. [18, 46]; *на́рхать* ‘тлеть’ Вят., Перм. [25, 248], *пурхать* ‘вспыхивать, загораться ярким пламенем’ Арх. [30, 111]. К этой же группе может быть отнесена лексема *эгать* ‘сильно пылать’ Перм. [8, 315], ср. *егоза* ‘непоседа, юла’.

Не исключено, что реликт идеи движения содержится в глаголе *попыгáнить* ‘ярко гореть, полыхать’ Олон. [29, 174] и производном *запопыгáнить* ‘разгореться, заполыхать’ Олон. [10, 341]: ср. и.-е. **pel-/pol-* ‘двигаться’, к которому возводят слав. **polъ-* ‘страх, дрожь’ [Фасмер, 3, 317–318; комментарий О. Н. Трубачева].

Возможно возведение к данной модели лексемы *сидѣть* ‘сильно гореть, с силой бить, выходить (о пламени, дыме)’ Яросл., Влад., Новг., Сиб. [36, 27], ср. у этой же лексемы значение ‘быстро идти, бежать, ехать’ Пск., Твер., Новг., Арх., Сев.-Двин., Яросл., Ворон., Сиб. [36, 26].

Частным случаем модели ‘интенсивно двигаться’ → ‘гореть’ является модель ‘бросать (выбрасываться)’ → ‘гореть’, реализованная в номинации *вылѣкивать* ‘выбрасываться (о пламени)’ Вят. [5, 306], ср. ‘кидать, бросать что-либо’ Вят., Влад., Киров., КАССР и др. [Там же].

Этимологически проблемной остается лексема *хмылѣть* ‘жарко гореть, пламенеть, полыхать, пылать’ Моск., Ряз. [Даль, 4, 555]. Вероятно, она может быть родственна олон. *хмылѣть* ‘тесать’, ‘лягать (о коне)’, хотя М. Фасмер не считает их этимологически связанными [Фасмер, 4, 251]. С учетом продуктивности модели для них может быть реконструировано общее исходное значение ‘быстро двигаться, дергаться, трястись’.

Антонимичной может считаться модель ‘медленно двигаться’ → ‘угасать’: *попыкивать* ‘вспыхивать время от времени (при затухании пламени)’ Вят. [30, 23], ср. *пыкать* ‘нерасторопно, медленно делать что-либо’ Смол. [33, 189], – хотя возможна и связь с *пыхать*. Ср., однако, *пыкать* ‘курить (трубку)’ Смол. [Там же].

Неоднозначна в плане интерпретации модель ‘драть (раздирать, сечь, распластывать)’ → ‘гореть’: *обдѣрнуть* ‘охватить (пламенем, огнем)’ Арх. [22, 22]; *пѣздерить* ‘ярко гореть, пылать (об огне)’ Волог., Арх., Перм. [25, 144], ср. у этой же лексемы значение ‘отдирать, сдирать, драть (лыко и т. д.)’ [Там же]; *бузовѣть* ‘сильно гореть, бушевать (об огне)’ Тул. [3, 257] при наличии ‘дергать, трепать, тормошить’ Тул. [Там же]; *пѣзгать* ‘ярко гореть, пылать (об огне)’ Твер., Волог., Влад., Арх. и др. [25, 143], *пѣзгѣть* ‘сильно гореть, полыхать’ Яросл. [28, 325] и др., ср. *пѣзгать* ‘сечь розгами’ Арх. [25, 143]; *пѣзѣть* ‘ярко гореть, пылать (об огне)’ Новосиб., *пѣзѣнить* ‘сильно, ярко гореть’ Волог. [25, 146, 142] и др., ср. *пѣзѣть* ‘расщеплять’ Арх., ‘сдирать с дерева кору, предварительно рассекая ее вдоль’ (без указ. места), ‘бить, колотить’ Волог., Пск., Твер. [25, 146]; *пластѣть* ‘сильно гореть, полыхать’ Волог., Арх., Новг., Перм. и др., ‘разгораться, хорошо гореть; давать яркий свет’ Урал., Перм., Арх., Краснояр. и др. [27, 87], *запластывать* ‘разгореться сильным пламенем’ Перм., Арх., Курган. [10, 324] и др., ср. *пластѣть* ‘бить, колотить; сечь, пороть, стегать’ Перм., Свердл., Арх., Камч. и др. [27, 86].

⁷ Возможно, этимологически связано с *пѣз* – ср. греч. *πῦρ* ‘вбиваю, вколачиваю’ [Фасмер, 3, 185].

С одной стороны, здесь можно увидеть метафору по образу действия (огонь, горящий вырывающимися языками, «пластами»), с другой стороны, в основу номинации может быть положена идея деструктивного воздействия огня.

Если принять версию Фасмера, согласно которой *полыхать* восходит к *попыснуть* ‘ударить ножом’ (от *полоса*) [Фасмер, 3, 320], к этой же модели должны быть возведены лексемы *попысать* ‘сильно гореть, полыхать’, ‘охватить что-либо пламенем; пожирать огнем’ Вят. [29, 178], *паласить* ‘гореть, пылать’ Арх. [25, 164], *отпалысать* ‘кончить гореть, отпыхать’ Волог. [24, 266], а также *попыхнуть* ‘ярко вспыхнуть’ [СРЯ, 3, 277], *вспыхнуть* ‘вспыхнуть, загореться’ Орл., Тул. [5, 210].

Метафора по образу действия положена также в основу модели ‘виться’ → ‘гореть’, см.: *вьять*, *вьять* ‘об огне, пламени – полыхать, подниматься столбом’ Волог. [6, 71], *вьёр* обычно мн. ‘выющиеся огненные столбы с дымом, поднимающиеся при сжигании сучьев крупного леса’ Олон. [6, 69].

Сема интенсивности обусловила возникновение *бырь* ‘место наибольшей силы огня на пожаре’ Твер. [3, 348], ср. значения ‘быстрина на реке’, «закрут вихря» у этой же лексемы [Там же]. Ср. также продолжения **buriti*, связанного с **byriti*: словен. *búriti* ‘бушевать’, чеш. *bouřiti* ‘бушевать, греметь (о грозе, буре)’, словц. *búrit* ‘бушевать, греметь’, рус. *бурить* ‘бросать, кидать, метать, раскидывать врозь’ [ЭССЯ, 3, 98, 151].

Модель ‘заливать’ → ‘тушить’ реализована в номинации *заливаться* ‘гаснуть (о горящих в печи углях)’ Зап.-Брян. [10, 205].

Мотивационно проблемна номинация *изругаться* ‘сгореть до конца (о дровах)’ Волог. [12, 170]. Думается, что в данном слове актуализируются семы ‘окончание действия’ или ‘переход в качественно иное состояние’, присущие глаголу *изругаться*: ср. ‘прийти в непригодность, в неисправное состояние, изломаться’ Перм. [Там же]. Возможно, лексема образована по модели ‘прекратить издавать звук’ → ‘потухнуть’.

1.3. Жечь. Здесь представлены дериваты корней с исходными значениями ‘гореть’, ‘жечь’, ‘тлеть’: **žeg-*, **gor-* (отметим, что единственным дериватом этого корня, развивающим значение ‘инициировать горение’, является лексема *напожарить* ‘довести до пожара, поджечь’ Иван. [20, 85], образованная от *пожар*, а не собственно от *гореть*), **pal-*, а также производные от *знеть*, *смалить* (ср. лит. *smėla* ‘тлеет’ и др. [Фасмер, 3, 690]), *знетить* и *ишайть*.

Перцептивный принцип номинации сжигания реализуется в следующих моделях:

• ‘делать видимым’ → ‘зажигать’: *рассвечать* ‘зажигать, разжигать (лучину, огонь)’ Костром. [34, 204], *подсвечивать* ‘поджигать, устраивать поджог чего-либо’ Том., Свердлов., Мурман., Арх. [28, 173]; *подцветить* ‘раздуть, разжечь; снова засветить (огонь)’ Терск. [28, 244]; *проявлять* ‘зажигать что-либо’ Том. [33, 60];

• ‘засветить’ → ‘зажечь’: *засорить* ‘зажечь, засветить’ Новг., Волог., Сев.-Двин., ‘зажечь свечку, лампаду перед иконой’ Волог. [10, 97];

• ‘заставлять дымить’ → ‘жечь’: *подкуривать* ‘поджечь, зажечь’ Новосибир. [28, 52] – очевидно, здесь актуализировано появление дыма как симптома огня (ср. *окуривать* ‘обдавать дымом’), хотя не исключено, что в основу номинации положен способ инициирования горения – зажечь, бросив окуроч;

• ‘делать теплым’ → ‘жечь’: *тёплить* ‘жечь, палить’ (без указ. места) [Даль, 4, 399], *затёпливать* ‘зажигать, разводить огонь’ Волог., Арх., Олон. [11, 89]; *затоплять* ‘зажигать (свечу)’ Новг., Пск., Арх. [11, 101].

Модель ‘выдувать огонь’ → ‘зажигать’ представлена такими лексемами, как *раздуть* ‘притоком воздуха усилить горение чего-либо; разжечь’ [СРЯ, 3, 607], *сдувать* ‘зажечь, раздуть огонь’ Вят., Костром., Новг. [37, 85], *придуть* ‘поджечь, разжечь что-либо; раздуть (огонь)’ Орл., Амур. [31, 197]; *дмать* ‘раздувать огонь’ Пск., Куйбыш., Смол., *дмить* ‘дуть, раздувать (огонь)’ Смол., Пск. [8, 71], *задмить* ‘зажечь’ Пск., Твер. [10, 56] (ср. др.-рус. *дъму, дуту* [Фасмер, 1, 515]).

Идеи добывания огня, получения его с помощью определенных усилий, с одной стороны, и зарождения огня как процесса, требующего инициатора, с другой, отражены в номинациях *добывать* ‘высекать, зажигать (огонь, спичку)’ Олон., Арх., Волог., Вят. и др. [8, 82], *доставать* ‘добывать, высекать, зажигать огонь’ Арх., Свердлов. [8, 145], *взять огня* ‘зажечь огонь’ Перм. [22, 340], *направлять* ‘разжигать свечку, костер и т. д.’ Камч. [20, 95], *развестить* ‘разжечь, растопить, довести до нужной степени (пары, огонь)’ [СРЯ, 3, 592], *разлаживать* ‘разжигать, разводить (огонь)’ Забайк. [33, 349], *положить* ‘развести, разжечь (огонь)’ Том. [20, 100].

Способы инициирования горения, добывания огня представлены следующими лексемами: *вытирание* ‘добыча огня трением бревна о бревно’ Новг. [6, 39]; *кресать* ‘высекать огонь огнивом из кремня’ Тамб., Ворон., Курск., Брян. и др. [15, 221], *выкресанье, выкрес, выкреска* ‘высекание огня посредством кремня’ Южн., Зап. [5, 296], *кресалить* устар. ‘высекать огонь из кремня’ Брян., Том. [15, 221], *красить* ‘высекать огонь, кресать’ Терск. [15, 177], *кирсать* ‘выбивать огонь огнивом из кремня’ Смол. [13, 224], *крышить* и *кришить* ‘высекать огонь огнивом’ Курск. [15, 353], *крымсать* ‘высекать огонь’ Смол. [15, 348], *кромсать* ‘высекать огонь’ Смол. [15, 276];

вы́сечь огонь (искру) ‘добыть огонь, извлечь искру ударом по камню, кремнию и т. п.’ [СРЯ, 1, 279], *вы́секчи* ‘извлечь огонь, искры ударом (о камни, железо, кремль и т. д.)’ Том. [6, 19], *сэ́чка* ‘высекание огня’ Арх. [37, 251]*.

Идея случайного инициирования горения выражается лексемами *за́ра-нивать* ‘нечаянно поджигать’ Сев.-Двин., Свердл. [10, 378] и *за́рон* ‘случайный поджог от чего-либо горящего’ Арх. [10, 388]. По семантике с ними сопоставимо выражение *распу́ска́ть огни́* ‘неосторожно, неряшливо разжигать, разводить огни’ Иркут. [34, 188] (т. е. ‘выпускать из-под контроля’).

Представление об огне как живом организме эксплицируется лексемами *разжѣ́ить* ‘разжечь’ Арх. [33, 344], *разжѣивля́ть* ‘заставлять гореть, разжигать’ Арх., Волог., Сиб., Том., Урал., КАССР [33, 342].

Процесс прекращения горения находит отражение в дериватах корня *гас-*: *гаси́ть* ‘прекращать горение, свечение; тушить’ [СРЯ, 1, 301], *загаси́ть* ‘прекратить горение, потушить, погасить’ [1, 507], *зага́шивать* ‘гасить’ Том. [9, 357] и др.

Перцептивная модель представлена дериватами корня *тух-*: *туши́ть* ‘прекращать горение чего-либо, гасить’ [СРЯ, 4, 431], *потуши́ть* ‘гасить, тушить’ Волог., Тул., Том., Груз. ССР., Арх. [30, 318] и др. Не исключено, что для развития семантики прекращения горения более актуальным было этимологически исходное значение ‘успокаиваться’ [Фасмер, 4, 128]. Если это так, то с данной группой следует сопоставить лексему *присми́рить* ‘загасить, задуть (свечу)’ Нижегород., Смол. [31, 391].

Этот лексический ряд коррелирует с дериватами корня *мор-*, также развивающими значение ‘прекращать горение’ (ср. *успокаиваться* ~ *умирать* ~ *прекращать существовать*): *вы́морить* ‘погасить горящие угли, затворив горно или угольницу’ Арх. [5, 313], *отма́ривать* ‘гасить угли в тушилке (морилке) для самовара’ Пск., Смол., Ленингр. [24, 236].

Как перцептивная может быть интерпретирована и модель ‘прятать, делать невидимым’ → ‘гасить’, реализованная лексемой *зату́лить* ‘залить (пожар)’ Енис. [11, 111] – ср. *зату́лять* ‘закрывать, затворять, заслонять’ Южн., Север., Арх., Зап.-Брян., ‘прятать что-либо так, что невозможно найти’ Саратов., Волог. [Там же].

Способ прекращения горения лег в основу следующих номинаций: *за-ду́ть* ‘дунув, погасить’ [СРЯ, 1, 518], ‘погасить, потушить (пожар)’ Саратов. [10,

* Интересно, что *огонь* при глаголе *сечь* может замещать позицию как объекта (огонь может быть добыт высеканием), так и субъекта действия (ср. *сечь* ‘жечь, обжигать (об огне)’ Олон., Север. [32, 254]).

73], *задмѣть* ‘задуть, погасить, потушить’ Пск., Твер. [10, 56]; *замáчивать* ‘залить водой, потушить (огонь)’ Новг. [10, 237], *поливать* ‘залить, затушить (огонь, свечу)’ Смол. [29, 69].

2. Периферия поля. Сектора периферии поля выделяются на логическом основании и отражают основные компоненты ситуации горения, сжигания. Опираясь на то, какое место в структуре значения слова имеет сема ‘огонь’, можно обозначить шесть секторов периферии: ‘топливо’, ‘инструменты инициирования’, ‘симптомы горения’, ‘продукты горения’, ‘применение и результаты воздействия огня’. Очевидно, что каждый из сегментов периферии содержит какое-то количество более частных идеограмм, но такое обобщение необходимо, чтобы за деталями не потерялась общая логика структуры ситуации горения.

Рассматривая периферию поля, мы сосредоточили свое внимание на семантической организации каждого сектора, обращаясь к мотивации лишь в исключительных случаях. В плане мотивации мы разделили формирующую каждый сегмент лексику на две группы: производную от корней с исходным значением ‘гореть’ и всю остальную. Для нас важно именно такое разделение, поскольку оно демонстрирует, что связи между ядром поля и каждым сектором не только установлены на уровне внеязыковой логики, но и подкреплены лингвистическим материалом, т. е. задаются самим языком. Обособление дериватов корней с исходным значением ‘гореть’ дает возможность представить, какую роль в процессе номинативного освоения того или иного фрагмента действительности сыграла его связь с огнем. В рамках данной работы мы не ставили перед собой задачу прояснить семантическую эволюцию оставшейся лексики, поскольку для понимания языкового образа процесса горения это в известной степени факультативно. На данном этапе освоения материала для нас было важно произвести его семантическую классификацию и определить место каждого элемента в структуре семантического поля.

2.1. Инициаторы и инструменты инициирования горения. Данный сектор представлен 46 лексемами, 18 из которых – дериваты корней со значением ‘гореть’. Он «работает» на идею инициируемого огня, огня добываемого, и напрямую соотносится с сектором «сжигание». Анализируемый сегмент поля включает в себя следующие идеограммы: инициатор зажигания (*зажигáльщик* Олон. [10, 85] и др.); огниво, кремь (з*аж*жѣчка Волог. [10, 88], икрѣца Курск. [12, 182], кырса́ло Том. [16, 204] и др.); спичка (огóнь Куйбыш. [22, 340], запáлка Волог., Пск., Тамб., Смол., Дон., Новг. [10, 300] и др.), лучина для растопки (з*н*ѣтья́, з*н*ѣтья́ Пск., Твер. [6, 243], запáл Волог.

[10, 299], *искромётка* Твер. [12, 223] и др.), приспособление для раздувания огня (*размашиник* Черномор. [34, 16]).

2.2. Топливо. Этот сектор составляют 7 лексем, из которых 3 – производные от корней со значением ‘гореть’. Так же, как и предыдущий, он связан с сектором «Сжигание», но здесь актуализируется не момент инициирования, а момент поддержания огня, контроля над процессом. Идеогаммы: топливо (*вы́топка* Смол. [6, 40], *на́лево* Брян. [25, 170] и др.), дрова (*жарняк* Олон., КАССР [9, 82], *загняты* (удар.?) Север. [10, 13] и др.), горючее (*то́пливо* [СРЯ, 4, 383]).

2.3. Симптомы. Данный участок поля формируется 40 лексемами, 8 из которых – от корней со значением ‘гореть’, – и соотносится со всем ядром. Здесь представлены следующие идеогаммы: запах гари (*паль* Калуж., Влад., Горьк. [25, 179], *подзной* Пск., Твер. [28, 18] и др.); дым, чад (*брид*, *брыд*, *бры́да* Южн., Зап., Пск., Брян. [3, 212], *дудор* Перм. [8, 250], *ка́чкера* Олон. [13, 146], *ко́пость* Новг., Пск., Твер. [14, 293] и др.); угар (*угар* [СРЯ, 4, 454]); отсвет от пожара, пламени (*за́рево* [СРЯ, 1, 565]); искры (*аскрамётые* Пск. [1, 285], *згінка* Ряз. [11, 227], *згра* Дон. [11, 228], *і́скорь* Новг. [12, 220], *кретки* (удар.?) Курск. [15, 238], *оскромётка* Пск., Твер. [24, 18], *ска́рина* Волог. [32, 391] и др.).

2.4. Продукты горения. Этот сектор также коррелирует со всем ядром поля. Для удобства рассмотрения мы разделили его по идеографическому принципу.

2.4.1. Угли. Идеогамма реализуется 42 лексемами, из которых 11 – дериваты корней с исходным значением ‘гореть’.

Особого комментария заслуживают лексемы *живо́й уголь* ‘тлеющий горячий уголь’ Арх. [9, 154], *живи́чник* ‘то же’ Перм. [9, 151], *живи́ка* ‘не превратившаяся в угли часть дров в костре’ Нижегород. [9, 150], отражающие представления об огне как о живом организме (о чем уже шла речь выше). Ср. в литературном языке метафору жизни как огня: пока огонь горит, жизнь поддерживается.

Лексема *чертенок* ‘головня из угольной кучи, или недожженная руда’ [Даль, 4, 598] является практически единственным примером экспликации в языковом коде связи огня с чертом, которая отчетливо выражена в паремии и фольклоре. Устойчивость связи огня и черта уходит своими корнями в представления об *адовом огне*, *пекле*.

2.4.2. Зола, сажа, нагар. Данный сектор представлен 14 лексемами, из которых 2 – от корней с исходным значением ‘гореть’: *нага́р* ‘обуглившийся кончик фитиля, лучины и т. п., образующийся при горении’, *нагорётъ*

‘покрыться нагаром, дать нагар’ [СРЯ, 2, 336]; *затуха́* ‘сажа’ Дон. [СРНГ 10, 370], *приса́к* ‘горячая зола’ Смол., Брян. [31, 377] и др.

2.4.3. Пепел. Встретилось 14 номинаций пепла, из которых 3 – от корней с семантикой горения: *жа́ра́то́к* Прионеж., Сев.-Двин. [9, 74], *жэ́галь* Влад. [9, 98], *пы́рина* Орл. [33, 196], *порск* Ворон., Курск. [30, 89] и др.).

2.5. Применение. Этот участок поля, безусловно, соотносится с сектором «Сжигание», а также с находящимся на периферии сегментом «Результат воздействия огня». С последним его объединяет место, занимаемое семей ‘огонь’ в структуре составляющих сегмент значений (инструмент действия). Разграничиваются они на основании наличия/отсутствия инициатора (контролера) процесса горения (данный сектор формируют лексемы с общим компонентом ‘сознательное воздействие огнем’).

При подаче идеограмм мы придерживались следующей логики: в каждой идеограмме отражен тот или иной аспект использования огня (нагревать, согревать с помощью огня, освещать, уничтожать огнем, накалять, выжигать, клеймить, переводить с помощью огня в качественно иное состояние, очищать огнем), хотя четко разграничить эти смыслы не всегда возможно (например, жечь костры – это и освещать, и согревать, и уничтожать). С большой степенью условности к этому сегменту поля отнесена лексика, связанная с использованием огня в культуре.

2.5.1. Топить. Данный сегмент представлен 27 лексемами (5 от корней со значением ‘гореть’), которые реализуют следующие идеограммы: топить (*жа́грить* Урал. [9, 56], *шкв́арить* Южн., Волог. [Даль, 4, 637] и др.), количество дров на одну топку (*и́сто́плево* Нижегород., Пенз., Влад., Твер. и др. [12, 260], *истопля́нка* Ряз. [Там же] и др.). Возможны количественные модификации смысла: ‘топить (печь)’ → ‘топить сильно, жарко’: *жа́рить* ‘жарко топить, накалять’ [СРЯ, 1, 472], *накы́ркать* ‘жарко натопить’ Волог. [20, 5], *наба́глить* ‘сильно натопить (печь)’ Курск., Орл., Ряз. [19, 103] и др. Отметим, что лексика, содержащая сему интенсивности, на уровне формы обладает яркой фоносемантикой и несет в себе экспрессивный заряд.

2.5.2. Греть. Сектор формируют 8 лексем (3 от корней с семантикой горения): *прите́пливать* Север., Ряз., Арх. [32, 13], *кал́ить* Новг., Южн.-Урал. [12, 360] и др.

2.5.3. Готовить. С точки зрения внеязыковой логики в эту группу следовало бы включить все обозначения еды, приготовленной на огне. Очевидно, что в рамках данной работы это невозможно и нецелесообразно. Мы ограничились родовыми обозначениями способов приготовления пищи, а также номинациями только тех или иных частных явлений, у которых связь с огнем заложена во внутренней форме. Данный участок поля содержит 47 лексем,

15 из которых – дериваты корней с исходным значением ‘гореть’: *палёночка* ‘печеная на огне картошка’ Арх. [25, 166], *палёха* ‘лепешка’ Влад. [25, 171], *жжёнка* ‘конфета – орех, залитый жженным сахаром, – приготовленная кустарным способом’ Саратов. [9, 148] и др.

2.5.4. Костры. Данную группу составляют 56 лексем (24 – от корней со значением ‘гореть’): *пальмó* Петрогр., Зауралье [25, 180], *пальюшка* Яросл. [25, 183], *разжига* Костром. [33, 342], *валёк* Яросл., Пск. [4, 24], *лежак* Нижегород. [16, 326], *городок* Моск. [7, 61], *грёда* Олон., Ленингр., Новг., Калинин. [7, 158], *коза* (без указ. места) [14, 57] и др.

2.5.5. Светить. Сектор формируется 37 лексемами, из которых 13 являются дериватами корней с семантикой горения: *обогнёт* (без указ. места) [22, 151], *блеснёт* ‘ловить (налимов) ночью при огне’ Арх. [3, 19] и др.

2.5.6. Выжигать. В этот сектор поля входит лексика со значением ‘выжигая, расчищать пространство (при подсечно-огневом земледелии)’: *валить* ‘расчищать и жечь лес под пашню, поле’ Олон., Новг. [4, 27], *катить* ‘то же’ Сев.-Двин. [13, 128], *прятать* ‘то же’ Волог., Вят., Новг., Олон. и др. [33, 95] и др. Сегмент представлен 35 лексемами, из них 20 производных от корней с исходным значением ‘гореть’.

2.5.7. Опалять. Данный сегмент включает в себя 15 лексем (13 от корней со значением ‘гореть’): *опалить* ‘очистить огнем от волосяного покрова’ [СРЯ, 2, 619], *воронить* ‘то же’ Терск. [5, 115], *осмáливать* ‘то же’ Южн., Зап., Смол., Пск., Курск. [24, 28] и др.

2.5.8. Обжигать. Сектор репрезентируют 5 лексем, все они являются дериватами корней **gor-* и **žeg-*: *нагорать* ‘обжигать, выжигать (при обжиге глиняной посуды, руды и т. п.)’ Южн.-Урал. [19, 210], *зажигать* ‘обжигать, закалять (посуду)’ Пск. [10, 85] и др.

2.5.9. Выжигать уголь. Этот сектор также содержит 5 лексем, производных от корней **žeg-* и **pal-*: *жбжска* ‘обжигание древесины для получения угля’ Калуж. [9, 213], *палом* ‘место, где жгут уголь’ Ряз. [25, 174] и др.

2.5.10. Перевести в качественно иное состояние. В данный сектор входят 4 лексемы (от корней со значением ‘гореть’ – 1): *выжечь* ‘получить, изготовить путем пережигания, обжигания какого-либо материала’ [СРЯ, 1, 255], *плáвить* ‘превращать твердое тело (преимущественно металл) в жидкое путем нагревания до высокой температуры’ [3, 130] и др.

2.5.11. Калить. Из 13 содержащихся в этом секторе элементов 7 производны от корней с исходным значением ‘гореть’, остальные – дериваты глагола *калит*: *нажечь* ‘нагреть, накаливать’ [СРЯ, 2, 352], *откалять* ‘обжигать, делать прочнее, закалять металлические изделия’ Свердлов. [24, 195] и др.

2.5.12. Заклеймить с помощью огня. Сектор формируют 4 лексемы, 3 из которых являются дериватами корня *žeg-: *нажечь* 'выжечь на поверхности (какую-либо метку)' [СРЯ, 2, 352], *подпятнить* 'выжечь тавро, поставить клеймо' Том. [28, 153] и др.

2.5.13. Оружие. В эту группу мы включили только производные корней с семантикой горения (всего 9 лексем): *налять* 'стрелять' Перм., Костром. [25, 183], *зажигалка* 'охотничье ружье' Ср. Амур [10, 85] и др.

2.5.14. Дезинфицировать, лечить с помощью огня. Данный сегмент поля составляют 2 лексемы, образованные от корней *gor- и *žeg-: *пережарить* 'сильно нагреть, прожарить (всю одежду, постель) для очистки, дезинфекции' Перм. [26, 101], *пробжиг* 'обработка улья огнем, дымом для дезинфекции' Кубан. [32, 135].

2.5.15. Культурное, обрядовое использование огня. Этот участок поля отнесен к сектору «Использование огня» очень условно. Он включает в себя лексемы со значениями 'лампада или свеча, зажженная перед иконой' (*богáтка* Волог. [3, 45], *набожничка* Том. [19, 122]), 'огонь как оберег' (*оку́рка* 'костер, который разжигали во время эпидемий при въезде в деревню' Олон. [23, 176]) и 'гадание с помощью огня'. Реализацию в обрядовом коде устойчивой связи «огонь ~ жизнь» представляет собой сжигание опрядков (один из видов святочного гадания). Чем ярче горит огонь, тем благополучнее жизнь: «Если при сжигании опрядки горят ярко..., то это предвещает счастливую для гадающей будущность» [37, 260].

2.6. Результат воздействия. Этот сегмент поля соотносится с сектором «Горение». Еще раз отметим, что данный участок поля отличается от предыдущего отсутствием инициатора процесса и «работает» на идею стихийного (или, по крайней мере, вышедшего из-под контроля) огня. Идеогаммы приводятся в следующем порядке: «претерпеть воздействие огнем», «повредить огнем», «уничтожиться огнем».

2.6.1. Обгореть. Данный сектор формируют 27 лексем (17 – от корней со значением 'гореть'): *сгарина* 'сальные огарки' Пск., Твер. [37, 13], *пожáрье* 'место в лесу с обгорелыми пнями' Смол. [28, 289], *подку́рок* 'обгоревшее полено' Костром. [28, 52], *печёнка* 'обожженное место' Новг. [26, 347] и др.

2.6.2. Уменьшиться в размерах. Сектор представлен только 2 словами: *угарáть* 'сгорать от части, умалаться от горения, потребляться огнем' (без указ. места) [Даль, 4, 465], *та́ять* 'уменьшаться, растопляясь, сгорая (о свече)' [СРЯ, 4, 343].

2.6.3. Повредить огнем. Этот сегмент поля составляют 9 лексем, все являются дериватами корней с исходным значением 'гореть': *повы́печь*

‘повредить огнем, сжечь’ Смол. [27, 275], *выпáлить* ‘повредить огнем, искрами и т. п. (о глазе)’ Том. [5, 323] и др.

2.6.4. Ожог. Сектор включает в себя 35 лексем, из них 26 – производные от корней со значением ‘гореть’: *жэ́га* и *жегá* Иркут. [9, 97], *обва́р* Арх. [21, 356], *ка́ча* Сев.-Двин. [13, 141] и др.

2.6.5. Подгореть. Данный участок поля содержит 21 лексему, из которых 18 дериватов корней с семантикой горения: *запáлиться* ‘подгореть’ Волог. [10, 300], *размура́вить* безл. ‘пригореть’ Олон. [34, 29], *изжа́рина* ‘подгоревшая пенка’ Краснояр. [12, 133] и др.

2.6.6. Пережигать. В этот сектор входят 6 лексем, 4 из них – от корней с исходным значением ‘гореть’: *пересма́ливать* ‘опалая на огне, передерживать, пережигать’ Смол. [26, 222], *переты́ливать* ‘пережигать’ Костром. [26, 250] и др.

2.6.7. Выжечь дыру. Сектор составляют всего 3 лексемы, каждая из которых восходит к корню со значением ‘гореть’: *прожэ́чь* [СРЯ, 3, 485], *разгорáться* КАССР [33, 311], *прожга́ть* Арх. [32, 133].

2.6.8. Потерять цвет. Данный сегмент представлен только 2 лексемами, обе производны от *гореть*: *вы́гореть* [СРЯ, 1, 250], *обгорéть* Арх. [22, 18].

2.6.9. Уничтожить огнем. Сектор включает в себя 10 лексем, 6 из которых являются дериватами корней с семантикой горения: *опазга́ть* безл. ‘уничтожить огнем, спалить, выжечь’ Вят. [23, 230], *распожа́рить* ‘то же’ Моск. [34, 176].

2.6.10. Выгоревшее место. Из 56 лексем, формирующих этот сектор, 50 производны от корней со значением ‘гореть’: *о́гнище* ‘выжженное или выгоревшее место в лесу; гарь’ Моск., Арх., Коми АССР [22, 330], *палени́ца* (удар.?) ‘то же’ Яросл., Перм. [25, 166], *по́чер* ‘то же’ Забайк. [30, 380], *проглы́зина* ‘то же’ Амур. [32, 109], *голы́нь* ‘то же’ Сиб. [6, 346]. Этот участок поля очень близок сектору «Выжигать (при подсечно-огневом земледелии)», и в большинстве случаев из дефиниции непонятно, куда следует отнести ту или иную лексему. Мы включили в эту группу все слова, в толковании которых не оговаривается, что выжигание было сознательным.

2.6.11. Погорельцы. Данная группа логически несколько выбивается из предыдущего ряда. Однако мы включили ее в этот сегмент поля, поскольку она является продолжением идеи уничтожения огнем. Все 8 лексем, составляющих этот сектор, производны от корней с исходным значением ‘гореть’: *ога́р* Олон. [22, 310], *пальни́к* Забайк. [25, 180], *пожа́рник* Ряз. [28, 289] и др.

Как видим, достаточно большой процент лексики каждого сектора периферии составляют дериваты корней со значением ‘гореть’, что доказыва-

ет актуальность для носителей языка связей, выделенных с опорой на внеязыковую логику.

Итак, семантическое поле горения состоит из следующих сегментов: ядра (в которое входят сектора «Огонь», «Горение», «Сжигание») и 6 секторов периферии («Инициаторы и инструменты инициирования горения», «Топливо», «Симптомы горения», «Продукты горения», «Использование огня» и «Результат воздействия огня»).

Ядро поля горения разработано в высшей степени детально. Сектор «Огонь» формируется лексемами со значениями 'огонь, пламя' и 'пожар' (последнее представляет собой количественную модификацию основного смысла). В языковом коде маркируется противопоставление огня небесного (*огненное запаление* 'пожар, возникший от молнии'), огня, инициированного человеком, и огня хтонического (*мышинный огонь*). В данном сегменте поля представлены образные номинации (*зайка, кочеток, лизун* и др.) и номинации, несущие экспрессивный заряд (*смага*).

Очень детально разработан сектор «Горение». Именно в нем самые распространенные синонимические ряды и именно здесь самая высокая степень конкретизации. Связано это прежде всего с пристальным вниманием номинатора к малейшим изменениям в процессе горения, активно обозначаются различные фазы процесса. Специфика диктумных модификаций для глаголов горения состоит в том, что фазовые модификации неразрывно связаны с количественными; по большому счету, именно интенсивность горения является основанием для разграничения стадий процесса. Однако строго развести идеи стадийности и интенсивности у процесса горения невозможно и, вероятно, нецелесообразно, мы рассматривали их как некое синкретичное целое, имея в виду, что в каждой конкретной номинации может актуализироваться та или иная сема. О значимости для номинатора различных фаз горения свидетельствуют: 1) лексический супплетивизм (для обозначения разных стадий горения используются слова, образованные от разных корней, т. е. идея фазы/интенсивности настолько значима, что может являться самостоятельным объектом номинации); 2) разработанная синонимия (большое количество корней, этимологически не связанных с огнем, использующихся для обозначения той или иной степени интенсивности горения); 3) лексикализация очень узких смыслов (например, *зажигать* 'начать гореть, загореться (о начале горения, когда еще не появилось пламя)' и др.); 4) раритетность слов со значением 'гореть' (огонь всегда предстает в конкретных проявлениях, т. е. семантика горения скорее денотативна, чем поня-

тийна). Нами выделено 17 моделей развития значения, связанного с горением, для лексем, у которых эта семантика является вторичной.

Сектор «Сжигание» разработан куда менее детально, чем «Горение», это заметно и на уровне формы, и на уровне содержания. Если говорить о плане содержания, этапы процесса сжигания практически не номинируются, семантика скорее понятийна, чем денотативна, конкретизацию понятия мы встречаем крайне редко. В отличие от предыдущего сегмента поля, данный сектор не содержит ни одного (!) примера количественной модификации значения, идея интенсивности сжиганию не присуща в принципе. Экспрессивные номинации раритетны. Если в данном секторе поля и происходит конкретизация исходного смысла, то объектом номинации становятся способы разжигания огня/тушения. Что касается плана выражения, набор корней более ограничен, больший процент составляют дериваты корней с исходным значением 'гореть'. В том случае, если значение, связанное с сжиганием, является для корня вторичным (мы выделили 8 мотивационных моделей для семантики сжигания), семантическое расстояние между производящим и производным словами, как правило, ощутимо меньше, нежели в сегменте «Горение».

Периферия поля состоит из 6 секторов, по-разному соотносящихся с ядром: сектора «Инициаторы и инструменты иницирования горения», «Топливо» и «Использование огня» связаны с сектором «Сжигание» и «работают» на идею огня «прирученного», добываемого и контролируемого. Сектор «Результат воздействия огня» коррелирует с сектором «Горение» и связан с образом огня стихийного, изначального или, по крайней мере, вышедшего из-под контроля. Сектора «Симптомы горения» и «Продукты горения» соотносятся со всем ядром и отражают элементы в равной степени релевантные и для процесса горения, и для процесса сжигания.

В целом можно говорить, что поле горения четко очерчено, имеет очень разработанное ядро и достаточно разработанную периферию, причем связи между секторами периферии ощутимо слабее, нежели связи между каждым периферийным сектором и ядром, что позволяет охарактеризовать данное поле как центростремительное, т. е. обладающее радиальной структурой.